

Л. Тихомиров

**Монархическая
государственность. Часть 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Тихомиров**
Монархическая государственность. Часть 1 / Л. Тихомиров – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 121 с.

ISBN 978-5-517-97178-4

ISBN 978-5-517-97178-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметъ предлагаемой книги составляетъ принципъ *Монархической* власти, его сущность и условія его дѣйствія. Но для того, чтобы выяснитъ какъ существо, такъ и условія возникновенія и дѣйствія его—я долженъ былъ предварительно обрисовать общія основы *государственности*.

При всемъ желаніи быть краткимъ—я совершенно не могъ избѣжать, при этомъ, обрисовки психологическихъ основъ самаго факта власти, изъ которой возникаетъ власть Верховная, представляемая между прочимъ и монархическимъ принципомъ.

Такимъ образомъ мнѣ пришлось войти также въ установку основныхъ принциповъ Государственного Права, которые я не всегда могу принять въ ихъ обычномъ школьномъ истолкованіи.

Точно также я не счелъ возможнымъ обойтись безъ нѣкоторыхъ историческихъ поясненій своихъ общихъ выводовъ о сущности Монархическаго принципа. Это конечно чрезвычайно расширило мою работу. Но мнѣ кажется, что историческая обосновка моихъ выводовъ, въ дѣйствительности, требовала бы еще гораздо болѣе обширныхъ объясненій.—Лишь съ крайнимъ прискорбіемъ я ограничиваюсь краткими указаніями по исторіи восточныхъ Монархій, и по Европейской Монархической государственности. Еще болѣе чувствительный пробѣлъ составляетъ отсутствіе обрисовки монархій Дальняго Востока. Къ сожалѣнію, это предметъ, который я не имѣю возможности ввести въ книгу, не рискуя затянуть до неопредѣленнаго будущаго ея изданія.

Итакъ, первыя три части моей книги состоятъ въ выясненіи условій возникновенія Монархическаго принципа и его сущности. Послѣдняя часть должна обрисовать условія его дѣйствія—то-есть дать очеркъ *монархической политики*.

Таковы общія рамки книги.

Общая мысль настоящаго изслѣдованія не впервые является передъ читателями. Еще въ 1897 году я опубликовалъ книгу, раньше появившуюся отдѣльными статьями въ «Русскомъ Обозрѣнн» — «Единоличная власть, какъ принципъ государственнаго строенія».

Эта книга давала очеркъ тѣхъ же идей, какія развиваетъ нынѣ публикуемая «Монархическая государственность». Въ виду того, что «Единоличная власть» уже давно не существуетъ въ продажѣ, я гдѣ возможно ввожу отдѣльные ея отрывки въ настоящее изслѣдованіе, при надобности, ихъ перерабатывая. Тѣмъ не менѣе нынѣ публикуемая «Монархическая государственность» не есть новое изданіе «Единоличной власти» и вмѣсто 136 страницъ, какія имѣла «Единоличная власть» — составляетъ въ четырехъ частяхъ, примѣрно, свыше 600 страницъ того-же размѣра.

Несмотря на эти значительные размѣры—я сознаю—книга моя оставляетъ многого желать и по полнотѣ матеріаловъ и по обработкѣ предмета. Но я надѣюсь, что она все-таки дастъ нѣчто для расширенія русской *политической сознательности*.

Покойный Чичеринъ говорилъ, что Исторія есть въ значительной степени повѣствованіе объ ошибкахъ правителей.

Мнѣ кажется, что исторія есть въ значительной степени повѣствованіе о вообще крайне малой человѣческой сознательности въ дѣлѣ устройства своего политическаго строя. Это одинаково проявляется въ монархіяхъ и республикахъ, у правителей и у народовъ.

Величайшую пользу людямъ приносить, по моему сужденію, все то, что сколько нибудь увеличиваетъ вѣчно недостающую имъ политическую сознательность, то-есть пониманіе тѣхъ законовъ, которыми живетъ человѣческое общество и государство.

Если мнѣ удалось замѣтить и указать кое-что вѣрное, но упускаемое доселѣ изъ виду въ области дѣйствія того политическаго принципа, которому посвящена настоящая книга,—то я буду считать, что трудился не безплодно.

Левъ Тихомировъ.

18 декабря 1904 года.

ОТДѢЛЪ I.

Источники власти въ обществѣ.

I.

Психологическія основы общественности.

Что связываетъ людей въ общество? Что, стало быть, лежитъ въ основѣ общественности и, стало быть, опредѣляетъ ея законы? Какъ ни различны философскія понятія о душѣ, какъ ни трудно для современнаго ученаго допустить иѣкоторое самостоятельное духовное начало,—въ отвѣтъ на поставленные выше вопросы все чаще начинаютъ указывать на *психологию*. Не въ какихъ-либо внѣшнихъ, но во внутреннихъ, психологическихъ условіяхъ всё чаще ищутъ разгадку факта общественности.

«По мѣрѣ того, говоритъ—Эспинасъ *), какъ наблюдатель удаляется отъ первыхъ фазъ жизни, онъ замѣчаетъ все чаще и чаще, что группировка живыхъ существъ совершается уже не подъ импульсомъ физико-химическихъ силъ и физиологическихъ побужденій, но подъ вліяніемъ все болѣе чувствуемыхъ склонностей и влеченій. Передъ его глазами происходитъ незамѣтный переходъ отъ внѣшняго къ внутреннему, отъ болѣе или менѣе сложной игры движеній къ обмѣну представленій и отъ хотѣній къ сознанію».

Тотъ же *психологическій* элементъ отмѣчаетъ Альфредъ Фулье. Стараясь синтезировать, какъ онъ выражается, мате-

*) 1 Соціальная жизнь животныхъ, стр. 44.

ріалістическія и идеалістическія школы соціології, онъ приходитъ къ выводу, что челоуѣческое общество представляетъ, въ отличіе отъ біологій, организмъ «добровольный и сознательный». «Сила связывающая части общественнаго тѣла, по видимому, не одной природы съ той, которая связываетъ части въ тѣлѣ животнаго или растенія: послѣдняя—относительно безсознательная, первая же сознательная *).

Густавъ Лебонъ доходитъ даже до почти мистическаго отношенія къ этой психологической основѣ общества. Онъ говоритъ о «душѣ народовъ» и утверждаетъ, что даже для классификаціи народовъ наилучшія основы даетъ *психологія*. «Въ подкладкѣ учреждений, искусствъ, вѣрованій, политическихъ правительствъ каждаго народа находятся извѣстныя моральныя и интеллектуальныя особенности, изъ которыхъ вытекаетъ его эволюція». Поэтому, по Лебону, «основанія для классификаціи, которыхъ не могутъ дать анатомія, языки, среда, политическія группировки,—даются намъ психологіей **).

Оставляя въ сторонѣ такія утвержденія, идущія быть можетъ далѣе прямого содержанія фактовъ, нельзя однако не признать, что психологическія основанія общественности становятся для соціології совершенно неизбѣжнымъ выводомъ.

Дѣйствительно, соціологія въ концѣ концовъ принуждена признать, что въ *общественности* мы имѣемъ передъ собою *законы коопераціи*. Въ то же время приходится признать, что законы коопераціи совершенно одинаковы повсюду, гдѣ мы ихъ ни наблюдаемъ, какъ въ біології, такъ и въ соціології. Но при такихъ посылкахъ, ставится совершенно очевиднымъ, что сами особи, вступающія въ кооперацію, въ обоихъ случаяхъ, т.-е. въ біологій и въ общественности, существенно различны, такъ что кооперируютъ на почвѣ вовсе не одинаковыхъ способностей или свойствъ.

Какія «особи» кооперируютъ въ біології, въ мірѣ явленій органической матеріи? Беря схематически — это простыя, не специализированныя клѣточки, почти кусочки протоплазмы, ода-

*) „Современная наука объ общество“, стр. 114.

**) „Психологія народовъ и массъ“, стр. 10.

ренные нѣкоторой общей способностью жизни, движенія, смутнаго ощущенія и уподобленія. Ихъ кооперація, ихъ совмѣстное дѣйствіе даже немислимы иначе, какъ при непосредственномъ сращеніи, для котораго онѣ имѣютъ большую способность и не представляютъ почти никакихъ препятствій. Миръ простѣйшихъ животныхъ, и такъ называемыя колоніальныя животныя, представляютъ множество наглядныхъ примѣровъ этого.

Срастаніе низшихъ животныхъ, какъ губокъ, полипняковъ—вообще явленіе обычное. Точно также извѣстно и распаденіе на составныя части: такъ морская звѣзда, пойманная въ сачекъ, мгновенно разрѣзывается на части и обломки ея проскальзываютъ обратно въ море.

Нѣтъ ни надобности, ни даже основаній разсматривать животное, организмъ,—какъ нѣчто происшедшее путемъ сращенія первоначально свободныхъ клѣтокъ. Но характеръ низшихъ животныхъ объясняетъ природу клѣточки, показываетъ намъ что срастаніе при коопераціи соответствуетъ самой природѣ біологической особи. А по сращеніи — универсальность смутныхъ жизненныхъ способностей клѣтки допускаетъ ея очень быструю спеціализацію, т.-е. превращеніе въ простой органъ.

Такова картина коопераціи біологическихъ особей.

Но таковы ли особи, вступающія въ кооперацію социологическую?

Нѣтъ, это уже не клѣточки, а организмы. Да и въ кооперацію вступаютъ даже не сами организмы, выражаясь языкомъ біологіи, а только ихъ нервныя центры. Когда нѣсколько волковъ соединяются въ стаю, кооперируютъ не сами по себѣ ихъ зубы или лапы, не сами по себѣ тѣла ихъ, а ихъ нервныя центры, лишь принуждая каждый свое тѣло, свои зубы и лапы помогать другимъ сотоварищамъ по коопераціи. Смотри на общество глазами біолога, мы должны назвать общество коопераціей нервныхъ центровъ. Но при этомъ само собою ясно, что нервныя центры могутъ кооперировать только на почвѣ силъ и способностей, свойственныхъ именно имъ. А что такое нервный центръ, съ точки зрѣнія біологіи? Это клѣточка, или агрегатъ клѣточекъ, спеціализированныхъ не

на движеніи, не на уподобленіи, не на какомъ либо частномъ чувствѣ воспріятія, а на функціяхъ представленія и регуляціи, т.-е. на способностяхъ сознанія, ощущенія и воли. Только на почвѣ этихъ способностей и возможна кооперація нервныхъ центровъ, т.-е. и самихъ организмовъ.

Такимъ образомъ законы коопераціи, возможной для животныхъ и человѣка—при возникновеніи среди нихъ общественности—суть законы коопераціи *чувствъ, представленій и желаній*, кооперація того, что составляетъ нашъ психологическій міръ. Законы общественности, а, стало быть, и гражданственности и политики развиваются изъ психического источника. Это несомнѣнно до полной очевидности.

Само собою разумѣется, что эта точка зрѣнія, указывающая исходный пунктъ соціологін въ психологін, не устраняетъ по существу спора о томъ, что такое наша психика, что такое духовное начало, самобытно ли оно и отлично ли по существу отъ силъ мертвой природы и т. п. Но все это входитъ уже въ область философіи или психологін, а не соціологін. Для соціологін исходный пунктъ составляетъ, во всякомъ случаѣ, міръ человѣческихъ представленій, чувствъ и желаній въ ихъ ясно наблюдаемыхъ проявленіяхъ. Спиритуалистическое или материалистическое опредѣленіе этихъ психологическихъ свойствъ хотя и не можетъ не отражаться на нашихъ соціологическихъ представленіяхъ, но лишь очень косвенно. Во всякомъ случаѣ никакой философскій материализмъ не можетъ приводить соціологію къ такому целѣпому для нея міровоззрѣнію, какъ, напримѣръ, экономическій материализмъ.

Психологическія основанія общественности ничуть не отрицаютъ значенія вліяній внѣшнихъ и материальныхъ. Но всѣ эти вліянія дѣйствуютъ на общественную среду не прямо, а отражаясь и перерабатываясь въ нашей душѣ, въ нашей внутренней сферѣ чувства, желанія и представленія. При этомъ, въ зависимости отъ нашей философіи, мы можемъ спорить, была или не была когда то, въ какомъ то непредставимо далеко прошломъ,—душа наша нѣкоторою *tabula rasa*, на которой внѣшнія вліянія вписали постепенными наслоеніями

ей содержаніе. Однако и тутъ довольно ясно, что если бы вы́шнимъ вліяніямъ не въ чемъ было отражаться и перерабатываться, то они не могли бы создать и никакихъ наслоений. Нѣкотораго первичнаго содержанія души нельзя отрицать. Но всѣ эти философскіе споры очень мало касаются социологіи.

Социологія начинается не въ тѣхъ безднахъ хаоса, гдѣ ничего нельзя разобрать и потому обо всемъ можно фантазировать. Социологія начинается тамъ, гдѣ уже замѣтны явленія общественности. А въ этомъ своемъ началѣ наука видитъ социологическую особь не какъ *tabula rasa*, а какъ нѣкоторое существо со вполне определеннымъ психическимъ содержаніемъ, которое вовсе не создается вы́шними условіями, а столь же самостоятельно и реально, какъ вы́шнія условія, и если испытываетъ ихъ вліяніе, то и само оказываетъ на нихъ такое же вліяніе. Не только въ известномъ намъ историческомъ человѣкѣ, а даже въ самомъ ничтожномъ животномъ, социологія застаётъ твердое содержаніе хотѣній, чувствъ и представленій, какъ нѣчто готовое, ранѣе бывшее, а не создаваемое вы́шними вліяніями. Всѣ вы́шнія вліянія падаютъ не на пустое мѣсто, а на нѣкоторое ясное и определенное содержаніе. Они только воздѣйствуютъ на душу, подстрекая, ослабляя или направляя наши представленія, чувства и волю,—даютъ матеріалъ для переработки его нашею душою, но ничуть не создаютъ ее.

Въ метафизикѣ возможенъ споръ по вопросу объ абсолютной самобытности души. Въ социологіи и исторіи этотъ споръ немыслимъ. Что бы такое ни представляла наша душа для философа, для социолога и историка она обладаетъ самостоятельнымъ и постояннымъ содержаніемъ.

Наши чувства, хотѣнія и представленія, для социолога вѣчны по существу, хотя и измѣняются въ комбинаціяхъ и въ фазахъ своего эволюціоннаго состоянія. Только это постоянство основного факта общественности и даетъ возможность бытія социальной наукѣ, которая со временъ древнѣйшихъ наблюденій своихъ знаетъ одно и то же человѣчество, съ психическими свойствами, по существу одинаковыми, по-

добно тому, какъ химія знаетъ одно и то же вещество со свойствами, по существу вѣчно одинаковыми, подобно тому какъ и біологія, среди вѣчно мѣняющихся формъ органическаго міра, знаетъ лишь одно и то же живое вещество, съ вѣчно одними и тѣми же основными свойствами.

Только въ отношеніи объекта, обладающаго нѣкоторыми основными неизмѣняемыми свойствами и возможно существованіе законовъ, научно наблюдаемыхъ. Соціологія такой объектъ имѣетъ предъ собой въ психическомъ мірѣ человѣчества: Если бы человѣчество какого-нибудь отдаленнаго «будущаго» могло имѣть основныя психическія свойства, отличныя отъ тѣхъ, какія были раньше, хотя бы самыя отдаленныя тысячелѣтія назадъ,—наука оказалась бы совершенно невозможною, ибо она должна бы была признать тогда, что человѣчества, какъ нѣ котораго постояннаго и реальнаго явленія, не существуетъ, а представляетъ оно миражъ, не поддающійся никакому разумному пониманію.

Въ дѣйствительности, однако, такой миражъ существуетъ лишь въ фантазіяхъ нѣкоторыхъ, правда, модныхъ, гаданій о никогда не бывшемъ (или по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстномъ) прошломъ, и въ такихъ же фантастическихъ мечтаніяхъ о яко бы «будущемъ» человѣчествѣ. Но собственно наука, точное знаніе, точное наблюденіе, говорятъ совершенно противъ всѣхъ этихъ фантазій. Вся сколько нибудь точная исторія, всѣ древнѣйшія преданія, всѣ обрывки древнѣйшей поэзіи,—рисуютъ намъ то же самое человѣчество, какое мы наблюдаемъ и теперь, во всѣхъ его основныхъ свойствахъ. Мы видимъ поэтому въ человѣческомъ обществѣ явленіе, обладающее внутренними законами, способное въ силу ихъ и къ эволюціи своихъ формъ на ихъ вѣчно неизмѣнныхъ основахъ. Поэтому возможна и наука, проникающая въ смыслъ того и другого, наука общественности.

II.

Психологическія основы власти.

Установка социальнихъ явленій на почвѣ психологической имѣетъ для политики то значеніе, что расчищаетъ путь и для пониманія основного фактора ея—явленія власти.

Какъ сказано въ предыдущей главѣ, законы общественности суть ничто иное, какъ законы коопераціи чувствъ, хотѣній и представленій особей, вступающихъ въ общественное между собой взаимодействіе.

Но всякая кооперація представляетъ необходимо нѣкоторое направленіе въ одну сторону этихъ разнообразныхъ и противоположныхъ чувствъ, хотѣній и представленій; т.-е. сама по себѣ предполагаетъ нѣкоторую *направляющую силу*, другими словами—нѣкоторую *власть*. Ясно въ то же время, что эта сила, эта власть, можетъ явиться только изъ тѣхъ же чувствъ, представленій и хотѣній, которыя кооперація кладетъ въ основу общественныхъ явленій. Такимъ образомъ власть рождается одновременно съ самимъ общественнымъ процессомъ. Власть является послѣдствіемъ общественнаго процесса, и однимъ изъ необходимыхъ условій его совершенія.

Оба явленія неотдѣлимы одно отъ другого. Власть — есть сила направляющая, но въ то же время сама порождается общественными силами, т.-е. стало быть въ извѣстномъ смыслѣ имъ подчинена и безъ ихъ поддержки не можетъ существовать. Не трудно апріорно видѣть, что по самому происхожденію своему и по смыслу своему, какъ сила направляющая, власть должна порождаться не одной волевой способностью, но также чувствами и представленіями. Исторія показываетъ, что значеніе послѣднихъ даже чрезвычайно велико.

Предыдущія разсужденія показываютъ неизбѣжность власти. Но это показывается и исторіей. Присутствіе власти и—по-

слѣдствіа ея — принужденія — видно рѣшительно во всѣхъ междучеловѣческихъ отношеніяхъ. Никогда и нигдѣ не видно общежитія безъ какой-либо власти и принужденія. Съ исторической точки зрѣнія этотъ фактъ не подлежитъ оспариванію. Но не всѣ одинаково оцѣниваютъ его значеніе со стороны нравственной. Нерѣдко власть и принужденіе разсматриваются какъ неизбѣжное зло. Власти противопологаютъ свободу, какъ состояніе особенно благодѣтельное. Извѣстно, какое сильное участіе принимаютъ такіа представленія въ нашихъ историческихъ оцѣнкахъ различныхъ учрежденій, а равно и въ нашемъ политическомъ творествѣ,—наконѣцъ въ идеалахъ предполагаемаго будущаго. Очень важно, поэтому, какъ можно яснѣе выкинуть въ дѣйствительный источникъ и въ точное существо какъ того явленія, которое называется властью, такъ и того, которое называется свободой.

Не трудно замѣтить, что оба эти явленія составляютъ не болѣе какъ различныя проявленія одного и того же факта,— а именно *самостоятельности человѣческой личности*. Если бы человѣкъ не былъ существомъ, заключающимъ въ себѣ нѣкоторую самостоятельную силу, если бы онъ былъ простымъ результатомъ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній, онъ не былъ бы способенъ ни къ состоянію *свободы*, ни къ состоянію *власти*. Наша свобода есть ничто иное, какъ состояніе независимости отъ данныхъ окружающихъ условій, а такое состояніе можетъ явиться только при способности напряженія внутренней нашей силы до степени, по крайней мѣрѣ, равной напряженію дѣйствующихъ на насъ внѣшнихъ силъ. Наша власть есть ничто иное, какъ переходъ этого внутренняго напряженія къ подчиненію силъ внѣшнихъ условій или внѣшнихъ силъ. По самому существу общественныхъ явленій эта способность свободы и власти прежде всего и чаще всего проявляется въ отношеніи другихъ личностей.

Въ состояніи общественной коопераціи каждая личность, въ качествѣ внѣшнихъ для нея условій и силъ, встрѣчаетъ прежде всего членовъ этой же коопераціи. Самостоятельность личности прежде всего и чаще всего проявляется въ отноше-